

*Айдар
Сахибзадинов*

Кузина

ИЮЛЬ. Зной. Если повернуть челюсть и покоситься в небо, солнце уколёт в глаз искрящейся иглой, вспыхнет и ослепит так, что в глазах потемнеет. Постоишь-постоишь, – пройдёт.

Хорошо бы сесть в бочку с водой, но уже не лезу, мешают торчащие коленки. Ещё недавно, когда бочка рассохлась и вода вытекла, с табуретки разглядывал на дне головастики, табуретка ушла из-под ног, и я опрокинулся внутрь головой. Нахлебался тухлятины. Вытащила бабка. Пока ругала да лупила, рвало головастиками. Потом долго в животе урчало и, казалось, что это плавают головастики.

У меня есть двоюродная сестра по отцу – Ася. Вон она сидит в ванне на краю оврага. Натаскала воду бидоном из-под молока. До обеда вода нагрелась. Солнце лежит на оцинкованном дне ванны большим овальным кольцом. Когда дунет с оврага или сядет мошка, кольцо на дне качается. Туда Аська и садится. Вместо лифчика намотано на груди вафельное полотенце, лифчика у

неё пока нет. Там, над оврагом, уютно, кругом кусты помидоров. Уже цветут желтоватыми звёздами. Терпко пахнут. Я вижу её затылок, пшеничные косички. Заплетённые, они похожи на тугие колося со спелыми зёрнами.

От скуки я бываю у неё дома. Сноха, мать Аси, – строгая, черноволосая и грудастая, она в декрете с младенцем Рустемом. Когда жарко, сноха то и дело подталкивает руками грудь вверх. Однажды отвернула халат, выставила сосок и, склоняясь над столом, стала сцеживать лишнее молоко. Струя резко била в стакан. Я глазел на такое действие, раскрыв рот. Это её злило, и она давила грудь резче, исказив наклонённое лицо.

До Аси она носила двойню. Но разродиться не смогла, малыши погибли. Дядя принёс их, крошечных, завернутых в газету, и положил на подоконник. Малышей обмыли, облекли в белое. Мой отец ещё с вечера обстругал доску, пропустил сквозь её края верёвку. Рано утром надел её на шею, положил

младенцев на доску и повёз, как шарманку, в трамвае на мазарки. Похоронил рядом с дедом. В юности я видел возле могилы деда бугорок, похожий на младенческое захоронение. Но той истории ещё не знал и не мог догадаться, что там лежат мои братья (сестры ли?), изуродованные акушерскими щипцами.

Сноха не любила мужнюю родню. Прививала своим детям любовь к родне по линии своей матери, жившей в Караваеве. Та бабка приезжала с большим семейством. Эти дни были в их доме праздником, а с Аськой у меня, как по расписанию, случались ссоры.

– Фи! Нахлебник! – бросит она, бывало, с крыльца с чувством превосходства. Задрав ногу, мазнёт меня шерстяным носком по лицу, хлопнет дверью и уйдёт к гостям.

Почему я нахлебник? Потому что не учу уроки? Но я и не собираюсь. Зачем мне химия, биология, инфузории, реактивы? Я буду писателем. Я уже пишу стихи. Вот одно начинается так:

**Пришла весенняя пора,
На поле вышли трактора...**

Ещё я хорошо рисую. Может, стану художником.

Однажды я нарисовал всадника, летящего на коне по прериям. Этот рисунок и стихотворение я показал вечером у Аськи. Мать её взяла листки, рассмотрела, прочитала – и с гневом обрушилась на дочь. Та лежала на диване, смотрела телевизор.

– Смотри, мерзавка! – воскликнула. – А ты всё рожицы рисуешь, рожицы!

У Аськи и вправду все черновые тетрадки и альбомы были изрисованы кудрявыми рожами уродцев.

– У-у! Зла не хватает! – Мать встала и с силой надала кулаком в шею дочери, у затылка. – Вот кто нахлебник-то!

Та от страха не могла даже плакать. Запунцевела вся. До синевы. И молчала с выражением, будто проглотила мячик.

А между тем Ася была отличница. Круглая, без задоринки, будто циркулем

отчерченная. Аккуратная, чистая, тщательно отглаженная, со свежими бантами и воротничком, вся – будто атласная. Говорила она скороговоркой и могла, разбуди ночью, оттараторить любое стихотворение из школьной программы.

В неё был влюблён весь класс. Фамилия у неё была Вахитова. И многие думали, что она, такая кристальная и правдивая, – внучка Мулланура Вахитова, легендарного революционера, казнённого белочехами. Она отрицала, но не все ей верили. Ведь не просто так портрет её отца красовался на видном месте – напротив дворца имени Кирова. Над портретами громоздились слова: «Лучшие люди города».

Пацаны из её класса завидовали мне, что я её брат, запросто бываю у неё дома.

Иногда спрашивали с ехидцей:

– А почему ты не Вахитов? Ведь отцы ваши – родные братья?

А я и сам тогда не знал.

И только недавно разобрался с помощью сайта «Память народа». Мой отец и два его старших брата, погибших на войне, значатся в списках как Сахибзадиновы.

Дед же мой – Вахитов Сахибзада.

Отец и два брата, родившихся при царе, взяли фамилии ещё в деревне – в честь отца, и стали Сахибзадиновы, так было принято ещё с царских времён. А младший брат, Аськин отец, 1930 года рождения, получил ту фамилию, которую ему выписали в райсовете – по родословной, по накатанной, не заморачиваясь с именем отца. Это уже при окрепшей советской власти, уже в городе.

Аська стала ещё ехидней, когда узнала, что я курю. «Ну что ж? Умрёшь раньше! Капля никотина убивает кролика. Даже лошадь. Ты рано состаришься, будешь кашлять, как Кашей...»

Я смеялся. Но уже тогда заметил, что меня тянет потереться возле неё. Открою ворота, гляну на улицу, – она там с подругами на брёвнах сидит, подпёрла ладонью подбородок, слушает. И мне на душе «веселó».

Тогда мы уже закончили шестой класс. По матери у Аськи рано начала формироваться грудь. Однажды мы ехали гурьбой в ТЮЗ. Трамвай переполнен, с каждой остановкой набивались люди. Я стоял напротив Аськи, что-то рассказывал, показывал руками. Трамвай вдруг дёрнуло. Толпу сместило. Меня прижало к Аське, кистями к её груди, а колено вовсе ушло меж её ног. Я не мог пошевелиться. Мы так и ехали до остановки. Она молчала.

В другой раз я столкнулся с ней во дворе, у спуска в общий туалет. Она быстро летела по ступеням вверх. Я перекрыл ей дорогу. Она фыркнула. Не помня себя, я тронул её за грудь. Она поглядела мне в глаза и сказала: дурак. Я тихо пошёл вниз, куда Аська минуту назад неслась, хлопая подошвами по ступеням. Не верилось, что она только что сидела там за дверкой, сняв трусики.

Я не знал в те свои двенадцать-тринадцать лет, что можно любить двоюродную сестру. Что это не грех, не позор, что это просто – кузина, и многие из дворян сочетались браком с двоюродными сёстрами. Даже Лев Толстой.

Я очень скучал по ней, когда она уехала на месяц в пионерский лагерь на Лебяжье. Когда её предки съездили к ней на родительский день, ноги сами повели меня в их дом. Мать с восхищением, чуть ли не плача, рассказала, что Ася в лесу проколола о сучок ступню. «Бегу-бегу. Чувствую в сандалете что-то хлопает, смотрю – кровь!» – умиленно пропела она рассказ дочери. Показала фото. Ася, за две недели неожиданно повзрослевшая, сидит в траве, подвернув под себя ноги, голова чуть склонена набок, смотрит с грустной улыбкой скупающего по родителям подростка.

Мои мучения кончились, когда им дали квартиру.

Тогда мы закончили седьмой класс.

Я с дядей разбирал их дом. Вытягивал гвоздодёром длинные визгливые гвозди. Доски старинного нарезка, без выбранной смолы, были тяжелы. В воздухе стояла густая пыль от сухих опилок

и шлака. Мы отхаркивались чернотой. Я чертовски устал.

В сумерках дядя споткнулся, упал. Обратил ко мне чёрное лицо: «Всё! Уже ноги не держат!» – закричал и крепко обматерился. Спали они в саду под яблонями. Утром мы к развалинам уже не подходили: хватит! комиссия не придерётся.

Ася перешла в другую школу. Приезжала на улицу редко. Заходила к нам поздороваться и исчезала у подружки.

В армии я немного переписывался с ней. Общего было уже мало. Не зная, что сообщить, она подробно описывала географию и историю тех мест, где я служил. Прислала фото из студенческого лагеря. В спортивной форме стоит, прислонившись к берёзе, а позади озеро Яльчик.

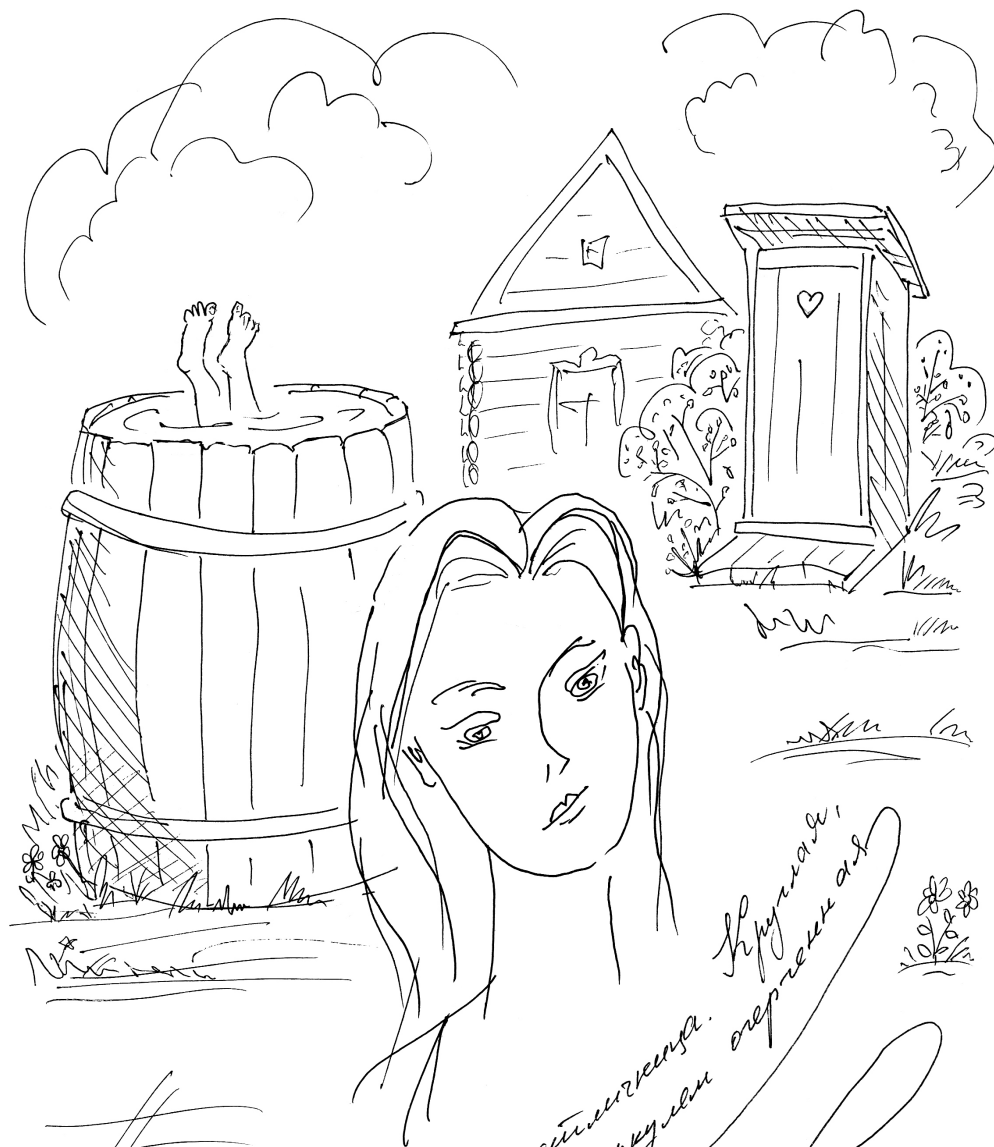
Мы так с ней и не увиделись. Когда я отслужил, она была уже в Усть-Каменогорске по распределению. Когда приезжала в отпуск, я был в командировках.

У неё спрашивали: когда замуж? Она отвечала с присущей ей скороговоркой: «Когда найду не-подлеца!»

А кто был для неё не-подлецом? Тот, кто не лез целоваться? Когда срок практики закончился, её, как ценного спеца, уговаривали в банке остаться. Но она уехала в Сибирь. На станцию Зима.

Нашла не-подлеца. На море. В Крыму. Они переписывались год. А после зарегистрировали брак. Девушка продвинутая, она не хотела свадьбы и «пресловутой фаты». Но сибиряки настояли на свадьбе. Тогда для росписи в загсе были в моде у девушек цветные платья. Ася сшила себе сама – голубовато-зелёное, под цвет той морской волны, у которой они познакомились. Два месяца вышивала мизерными шажками кружева на платье. Как царская золотшвейка. И получилось чудо!

На регистрацию в загсе она, как и задумала, приехала одна. Вышла из авто, стремительно пролетела в центр зала, быстро нашла глазами жениха, схватила за руку и повела за собой к высоким дверям.

Душты нем дая буя айтканса.
 без задорники, будно уфрулам оепрем ая.
 Куфина,
 10/1/1

Рис. М. Ахлат

У неё два сына. Рожала она с трудом, как мать. Чудом выжила.

Всё это рассказывала мне сестра.

Наверное, Ася читала мою прозу в Интернете.

«Как сложно он пишет!» – высказалась она как-то при родственниках. Наверное, это про рассказ «Апологет» – о народовольцах и Перовской, где я и вправду, будучи в ударе, закрутил с напластованием эпох.

140

Поздняя Казань для Аси – сплошная боль.

Родители её умерли, едва выйдя на пенсию. Причём один за другим. Брат Рустем, крупный, будто сердечник, с большой головой и двумя жёсткими вихрами, ещё со студенчества заигрывал с алкоголем. После смерти родителей связался с пьющей девицей, полуслепой, хитрой, как лисица, но преданной, как собака.

Он разъезжал по тёткам. Перед сиротой благоговели, ведь это сын их младшего брата-любимчика, парень с красным дипломом физмата, надежда родни. Его потчевали от души. Он, по обыкновению, много ел. Молча и неторопливо. Басом читал за столом собственные стихи, пел громогласно, как Шаляпин, его ссужали деньгами, и чуть ли не на цыпочках провожали, сердобольные тётки Вахитовы. Наверняка он посещал тётку и по линии матери. Там уж его осыпали поцелуями. Как, бывало, делала моя сестра: оттягивая щёки. Увидев её издали, он, полный, неуклюжий малыш, разворачивался и в ужасе бежал к своим воротам. Пока не схватили, не зацеловали.

Приходил Рустем и ко мне. Но уже с подругой. Как-то они съели у меня весь суп. Прямо из кастрюли. Я, холостяк, сварил его себе на два дня, ещё не пробовал, сварил – перекусывать в перерывах. Времени было в обрез: я строил дом для дочери, жившей пока в деревне, и писал по заказу большие тексты в два республиканских журнала.

Я ошалел, зайдя со двора на кухню. Ну, думал, с ним женщина, суп нагреет. Там четыре литра. Разложит по тарелкам. Поедят. Ведь это всё, что у меня было! Тогда, в 90-х.

Рустем сытый, спокойный, не сразу вернул мне кастрюлю. Заглянул в неё, нагнул, ложкой зачерпнул со дна остатки, хлебнул, и лишь потом, вытерев губы, попросил денег взаймы.

Может, он принял меня за тётку, и я обязан? Но я старше его всего на шесть лет. И такой же мудак, как он. Был недавно.

У меня оставалось четыре тысячи, два раза поесть в столовой.

Удивляюсь своему терпению. Когда сильно прав, мелочиться не хочется. Пусть Рустем всё детство меня предавал – за курение отец страшно избил меня толстым резиновым шлангом, бросив на пол поверженному пачку «Казбека», на которую навёл Рустем; бегал он ябедничать, тряся жирком, и к своей сисястой матери, и та устраивала во дворе скандал. Но теперь мы повзрослели, и тут я был – старший брат!

– Вот всё, что у меня есть. – Я вынул из кармана мятые купюры. – Отдаю тебе половину.

– Спасибо. На днях я приеду.

И на самом деле появился. С той самой подругой.

Вернее, она его привела.

Она сказала, с какой-то торжественной улыбкой входя во двор:

– Ну что, Айдар, давай должок.

Я крыл крышу, слез, вытер пот со лба.

– Какой должок?

– А за ваучеры?

– Какие ваучеры?

– Которые ты купил у Рустема. Ты сказал, что отдашь деньги через неделю.

Я, закипая, с недоумением посмотрел на брата... Тот сморщил лицо: ладно, ладно, наврал.

– Ах, вон оно что?! – догадалась девица, яростно блеснув сильными оч-

ками. Встала, развернулась и, пройдя к воротам, громко ими хлопнула.

– Рустем, я занят. Страшно устал. Ты потерял совесть. Больше не приходи.

Это были мои последние слова брату.

Ещё до этого случая он сел играть в карты с парнями из своей многоэтажки, выиграл кучу денег, а наутро всё проиграл, в том числе и трёхкомнатную квартиру, доставшуюся от родителей.

Ася приехала, нашла его в общежитии, куда его выселили, сняла с ноги туфельку и наотмашь отхлестала. В слезах вылетела вон. Прощаясь на кладбище с родителями, молвила, что больше в Казань не приедет.

Тогда же, в начале 90-х, она на трудовые купила «Оку», ту из первой партии, ездить семьёй на дачу. На второй день её угнали, милиция не искала, через несколько лет остов автомобиля без дверей и внутренностей нашли на краю тайги, в осушенном болоте.

Пять лет назад я случайно узнал, что умер Рустем – два года как похоронили.

Последний раз я видел его лет двадцать назад – с восьмого этажа «Издательства», где курил на лестничном марше у широкого окна. Я сразу его узнал по массивной фигуре. Они что-то ели в скверике, стоя лицом друг к другу, трогательные бродяги!

Он пропивал деньги, полученные за проданную комнату в казанском общежитии. Жили они тогда уже в районном городке Волжске. У матери девушки. Мать эта жаловалась соседям, что Рустем, хоть и пьёт, но сдержанный и порядочный. А вот её дочь – настоящая стерва!

Надо сказать, Рустем никогда не был трусом, не был мелочным... Он был в отца, добряка, которого все уважали и любили – на улице, на заводе, даже среди начальства, и потому его двигали – и в коммунисты, и в передовики, и портрет выставляли среди лучших людей города.

Асю я потерял. Вряд ли она приезжала на похороны брата. К тому времени уже больная сахарным диабетом, полученным тоже в наследство от матери.

Нет её и в «Одноклассниках», да и фамилия у неё давно уже другая.

Седые её одноклассники, те, кто ещё жив, до сих пор её ищут. Пишут мне в личку, расспрашивают о мелочах, связанных с нею, просят школьные фото. И опять интересуются, почему у нас с ней разные фамилии, раз отцы – разные братья?

Они ищут первую свою любовь, заново переживают в себе прошлое. Они не хотят умирать, и это пока у них получается.

